
Михаил СТРИГИН

ШЕСТВИЕ С УМА

Рассказ

— Иже еси на небеси, да святится имя Твое, — произнесение молитвы вслух не добавляло мне ощущения погружения в молитву. Мысль дробилась, расслаивалась. Чувства медитации, возвышенности при прочтении не возникало. Скорее это был дробный марш.

«Он страдал за всех! Но это было на последнем Его этапе. А до этого Он странствовал. Был в Египте. Там красивое море. Отели там тоже неплохие. Людмила была беременной, когда мы там были».

— Благодатная Мария, Господь с тобою, благословенна Ты между женами, — мысль со скоростью, превышающей световую, перенеслась из Египта двадцать первого века в древний Иерусалим.

«Как можно жить, зная, что твой сын — Бог. Или она не знала этого? И ее внутренние метания додумали позже?»

— Слава, пойдем завтракать! — послышался крик Людмилы с кухни.

«Еще пять минут», — отозвался я про себя, одернув белую футболку, будто пытаюсь стряхнуть надоедливый мир. «Весь мир призван, чтобы отвлечь меня от чего-то главного. Я соединен с ним тысячами незаметных, но очень прочных трубочек, через которые происходит постоянная связь. Ладно, Люда. Память — она, подобно карусели, жестко соединяет меня с чем-то сторонним, с чем мы существуем синхронно. И как бы я ни отвлекался от карусели, пытаюсь сосредоточиться на молитве, небольшое расфокусирование махом возвращает меня в круговорот», — в комнате резко потемнело, как будто кто-то опустил занавес на утреннее, тусклое осеннее солнце — тучи с запада, такие же блеклые, как солнце, но быстрые, как летучие мыши, налетели, уже радуясь тому, что будет пасмурный день.

— Слава, ты что, оглох? Гречневая каша стынет, — разрезал сумрак окрик Людмилы, а затем в проеме двери показались и ее прямые, блестящие коричневатые волосы. Рост и внешность Людмилы заявляли собой о желании нести себя по подиуму, но ее ум предпочитал зрительный зал и наблюдение за другими.

«Оглох скоморох, плох да засох» — перебрал я в голове, словно в руке камешки, чтоб не выплеснуть какую-нибудь гадость.

— Уже иду, — оставалась последняя молитва оптинских старцев:

— Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая... Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить.

Михаил Борисович Стригин родился в г. Сарапуле (Удмуртия) в 1969 году. Окончил Южно-Уральский государственный университет. Кандидат физико-математических наук. Публиковался в литературных альманахах «Светунец» и «Звездный голос», в журналах «Нижний Новгород», «За-За», «Молоко», в сборниках и в ряде научных изданий. Автор двух книг стихов, лауреат ряда областных премий. Живет в г. Челябинске.

«Разве можно научиться любить? Разве можно научиться летать? Но человечество же научилось. Но это суррогат полета. Будет ли любовь, которой мы учимся, настоящей? Отличим ли суррогат от подлинника? Но если отличить нельзя — значит, это подлинник».

* * *

— Иже еси на небеси, да святится имя Твое. — «Сегодня — это вчера или уже завтра? Я вчера читал молитву в белой футболке, а потом бросил ее в стирку. А завтра буду, как и сегодня, в коричневой. Но завтра у меня будет длиннее щетина. А если бы я брился каждый день? То был бы вообще неотличим. Но вчера было облачно, а сегодня солнечно. Но это как бы чужое внешнее время наложило на мое безвременье и таким образом создало иллюзию времени. Я, как блоха, постоянно к чему-то присасываюсь, то к Солнцу, и наблюдаю год, то к Земле, и наблюдаю день, то к группе туристов, и наблюдаю отпуск. И на каждом таком теле своя мера времени».

— И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого.

«Лукавого — хитрого, скрывающегося в мелочах. Лукавый никогда не масштабен. Но если все состоит из протонов и электронов, значит, они лукавы. Принцип неопределенности Гейзенберга подтверждает это. Согласно ему, электрон везде и нигде. А я где? Я только что думал об отце, значит, был в прошлом и на родине. Потом я подумал о будущей поездке на Алтай, значит, я был в будущем, пробежавшись по еще не существующим Чемалу, Акташу. Может, поэтому электрон и невозможно обнаружить в определенном месте — он то здесь, то где-нибудь в прошлом. Точно! Что-то такое придумал Джон Уиллер, сказав, что все электроны так похожи, потому что это один электрон, болтающийся из прошлого в будущее и пронизывающий настоящее многократно».

— Помози ми на всякое время, во всякой вещи и избави мя от всякия мирския злыя вещи и дьявольского попешения.

«От дьявольского попешения? Может, и нет никакого попешения? Разве можно противопоставлять Бога и дьявола? Это совершенно разные масштабы. Может, дьяволом человек называет собственный дискомфорт, боль от выхода в какое-то иное состояние, когда тебя ограничивают, когда тебя бьют? Но мы сами очень часто лезем к этой боли, выходим в космос, ползем по леднику. В физике есть понятие об адиабатическом процессе: когда что-то меняется медленно, то внутренняя структура не нарушается, и тогда боли не должно быть. И напротив, когда скорость изменений высока, то внутри все начинает рушиться. А если медленно, то происходит закалка металла и тела? Распутин принимал в малых дозах мышьяк и стал бесчувственным к яду. Возможно, дьявол — это когда ты хочешь что-то сделать быстрее, чем это должно происходить?»

Но что означает слово „должно“? Видимо, это связано с красотой и гармонией. А делать быстрее — это нарушение красоты. Блин, опять я отвлекаюсь от молитвы».

— Ты бо еси мой Сотворитель и всякому благу промышленник.

«Что есть благо? Эфемерность, придуманная Платоном? Что важнее — разрушать или создавать? И что из этого благо, а что вред? Ведь невозможно создавать, если уже все застроено. Нет никакого блага! Есть процесс. Нельзя останавливаться. Сразу заболотишься, обрассешь тиной, и тебя засосет. Быстрое движение — это от дьявола, и медленное тоже. Нужно двигаться в среднем темпе, а что это такое? Елки-палки, я ж опять уплыл от молитвы. Как я могу о чем-то просить, если я даже не могу сосредоточиться на просьбе?»

— Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить. — «Сегодня я закончил раньше, чем прозвучал утренний гонг Людмилы! А был бы он вообще? Ее ежедневное совращение меня завтраком — это рефлекс или продуманная игра? А кто этих женщин поймет. А где мои тапочки? Я их оставил около кровати. Я это точно помню. У них что, крылья выросли? Вот уж странные ангелочки!»

* * *

— Иже еси на небеси, да святится имя Твое. — «Святиться — значит светиться. У Мандельштама есть понятие черного солнца, которое означает нечто большее, чем обычное солнце, что-то более масштабное. И оно как бы прикрыто лучами обычного солнца. Какая-то сопряженная, двойственная к нему структура. Ее нет, но она есть. Философ Деррида говорил, что любой художественный текст, а может, вообще любой, подразумевает сопряженный. Но особо ничего не разъяснил. Можно только предположить, что если все смыслы вывернуть наизнанку, то получим сопряжение. А в математике произведение прямого и обратного равно единице». Дребезжание оконного стекла отвлекло не только от молитвы, но и от метафизики: мимо дома на критической удаленности пролетел пассажирский самолет. В последнее время они начали летать гораздо чаще.

«Теперь, после начала специальной операции в Украине, у России появилось много лишних самолетов. Пытаются их задействовать и открыть новые рейсы. Подобно тому как если некий франт, рассекавший раньше по ресторанам и ночным клубам, вдруг повзрослел, и теперь ему некуда надевать все его десятки джинсов и пар туфель, поэтому он носит их дома. Хотя, наверно, правильнее будет другое сравнение: когда ты вдруг лишился ног, и теперь тебе не нужны все твои многочисленные кроссовки, и ты просто их рассматриваешь в шкафу. Блин, опять я отвлекся и растекся по глобусу. Ладно хоть не улетел на альфу Центавра».

— Да будет воля твоя. — «А война в Украине — это Твоя воля? А как же иначе. Стенания: как Ты допустил это?! — всегда от незнания и неведения. Иисус, который есть сама любовь, изгонял фарисеев из храма, которые превратили его в базар. Когда слова заканчиваются, приходится применять кулаки или ракеты».

— Господи, прости меня, я очень пытаюсь сосредоточиться, — расстройство от формального прочтения молитвы резко заполонило меня, и я почувствовал небольшое головокружение. В последнее время появились странные спецэффекты в голове — как будто голова отдельно от тела начинает падать на пол. Причем это не было головокружением в обычном понимании, когда обстановка просто кружится, это было скорее похоже на то, как скатерть сдергивают со стола на пол. Но как и любое падение, подобная иллюзия очень пугала.

— Научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить. — «Странно. Опять не слышно Люды. Тапочки на месте. Сегодня я их поставил заранее и сосредоточился на этом. Хочется кушать. А Люда молчит».

— Люда! — крикнул я, и ответа непривычно не прозвучало. «Не понял. И где моя соня?» Я зашел в спальню, но там не было Людмилы. Дошел до ее кабинета и тоже не обнаружил ее. Странная тишина быстро накапливалась, как слизь. Я почувствовал неладное, вернулся в свой кабинет, взял телефон и быстро нашел Людин номер в записной книжке, нажал на вызов и одновременно на громкую связь. Гудки оживили гнетущую обстановку, хотя и звучали тяжело и тревожно. Они, словно кукушка, что-то отсчитывали. На девятом гудке я нажал на отбой, тихонько сел в кресло и попытался

что-то понять, но в следующий момент выстрелом прозвучал звонок моего телефона, и я выронил его от неожиданности.

— Люда, — сказал я громко себе и нажал на ответ.

— Привет! — прозвучало очень буднично, как будто она заглянула в мою комнату.

— Привет! — в том же тоне ответил я.

— А ты где? — я постарался не нагнетать напряженности в разговоре.

— Ну ты что? Я же тебе вчера говорила, что с утра схожу сдать анализы.

Я выдохнул. Черно-белые обои приобрели голубоватый оттенок, и мимо окна пролетел голубь.

* * *

— Иже еси на небеси, да святится имя Твое. — «Имя Твое, — повторил я про себя. — Которое из них? Ведь у Бога много имен. И Его, как и электрон, который везде и нигде, невозможно поймать за бороду. Он и Отец, и Сын, и Дух Святой. Сколько жизней положено только, чтобы понять: Иисус — человек? или Бог? и как в нем совмещается двуединство?» И вдруг пришло понимание, как такое расщепление возможно. Возник образ голубоватой сферы, в центре которой находится Бог-отец, окруженный Святым духом, извергающимся из Центра, и, наконец, поверхность этой сферы является Иисусом. Поверхность всегда обладает двойственностью, поскольку принадлежит одной стороной сфере, а другой стороной окружающему ее пространству. Но тогда вся материя — это, может, только поверхность духовного, чего-то более многомерно, чем наше трехмерие. А Иисус принадлежит и нашим, и вашим».

— Пресвятая Богородица, спаси нас!

«Опять отвлекся, прочитаю еще раз»:

— Пресвятая Богородица, спаси нас! — «Эта двойственность идет дальше. Земное и божественное, женское и мужское. У древних греков цифра один означала мужское и одновременно божественное, а цифра два — женское, цифра три — их синтез. Получается, Иисус и есть Три?» — пришедшая смс отвлекла меня от численной комбинаторики. Она известила о задолженности перед управляющей компанией за коммунальные платежи. И тут мой взгляд случайно упал на часы на экране смартфона — они показывали 9.25. «Но я начал читать молитву в 7.30, я не мог ее читать два часа. Это могло длиться, ну, десять минут. Я отходил попить воды, возможно, в туалет, но все это вместе никак не составляло двух часов. И у Гали не спросить — она ночует у своей мамы». Я бросил взгляд на фото улыбающейся женщины, стоящее в рамке на столе, и обнаружил там блондинку с вьющимися волосами и улыбкой до ушей. «Но Галя никогда так широко не улыбается, и она шатенка. Странно, что делает это фото у меня на столе? Хотя какое-то сходство есть. Галя-Люда, Галя-Люда, кто такая Люда? Галя...»

За окном двадцатого этажа в начале своего пути было яркое декабрьское солнце. Хотя, по-видимому, оно недавно появилось, но уже приближалось к зениту. Солнце будто сделало что-то противозаконное и торопилось закончить свой полукруг и уйти в тень, чтобы его не успели разоблачить.

— Странно, — сказал я вслух. «Начинал я молитву еще в темноте и не заметил, как рассвело». В поле зрения опять появилось смс о задолженности: «Сколько же людей занимается обслуживанием людей, которые занимаются обслуживанием других людей, которые, в свою очередь... И эта пирамида растет с каждым годом. Но к чему-то она идет. Она должна, подобно пылесосу, всосать в себя все человечество, расставив каждого на свое место, и это будет очень жесткая фрактальная конструкция, которую так просто не сомнешь... Может, Господь проводит какой-то гигантский селекци-

онный эксперимент в надежде, что когда эта пирамида будет окончена, то получится существо, сопоставимое с ним по мощности созидания и преобразования. Некая точка омега, про которую говорил Пьер Тейяр де Шарден. Так же как когда-то бактерии соединились в единый многоклеточный организм, так человечество должно породить мыслящую пирамиду, обращенную острием к небу. И в ней каждый найдет свое место — и гений-математик, и папуас, владеющий минимумом слов...» — мне представилась эта грандиозная пирамида, только не в реальном пространстве, где каждый атом соединяется с соседними, формируя песчинки, которые формируют камни, а в виртуальном, где каждую секунду производятся миллионы различных инструкций, приказов, приглашений в группы, которые формируют социальные песчинки, которые, соединяясь, формируют камни крупных предприятий, городов, научных коллабораций, формирующих пирамиду человечества.

«Но тогда что делает Россия, замахиваясь на все человечество? Как не понимает правительство, что кусок этой пирамиды распадется и будет валяться песком у ее подножия, подобно отвалившемуся носу египетского сфинкса. И тогда через несколько сотен лет никто не вспомнит даже имени Россия, подобно тому как только специалисты вспоминают про поглощенную джунглями цивилизацию майя. Может, наш президент знает что-то такое, чего не знаем мы. Может, он хочет перекроить пирамиду под Россию, которая должна стать фундаментом нового мироустройства. И вся эта чехарда — только повод? Но это то же самое, что мне выйти на бой против Арнольда Шварценеггера и уповать на Господа. Если только у президента нет в рукаве джокера с китайскими глазами. Но ведь Китай тоже хочет стать фундаментом мирового государства. И у него тоже есть джокер — это он сам».

* * *

— Иже еси на небеси, да святится имя Твое, — читая, я смотрел не на иконы, а на улицу, где все светилось ярким январским светом. Туда, где:

«Ты сегодня щедро поделился своим светом с городом, который создал человек. И наша совместная работа иногда получается очень даже неплохо», — взгляд скользнул по архитектурно изысканным многоэтажкам, свободные от окон фасады которых были украшены грандиозными шедеврами мировой живописи, нанесенными художниками из разных городов, и остановился на электронных часах, стоящих на подоконнике и показывающих 07.30, делящих время на часы и минуты.

«Кто-то придумал делить все на естественное и искусственное. Но человек — часть природы, и его творения не могут быть чем-то внеприродным. Это примерно так же, как сказать, что бобры засоряют водоемы, когда строят свои плотины, или жуки-скарабей засирают пустыню своими говнистыми шариками, которые они катают и которые, как оказывается, выполняют роль кондиционеров. Мы гордимся тем, что создали холодильники и кондиционеры. И правильно делаем. Но к сожалению, мы пока научились только повторять за природой. И наш мусор ничем не отличается от остального мусора, может, тем, что его больше. Вот когда мы преодолеем скорость света или научимся читать мысли, вот тогда да. Хотя, возможно, и тогда мы обнаружим что-то подобное в природе. Просто мы не можем это видеть, пока не появятся соответствующие знаки. А видим мы, как думаем, а умеем думать только знаками. Хотя чувствуем больше. Франкл считал совесть инструментом времени. Благодаря ей мы можем предвидеть. А может, чисто человеческое открытие будет, когда мы научимся транслировать информацию прямо в мозг. Когда так называемые квалиа будут формироваться, исключив посредников. И тогда важно преодолеть скорость света, чтобы любое

изменение мысли одного человека тут же мненяли мысль другого» — слова «изменение» и «мненяли» создали дискомфорт и некое чувство тревоги, как будто в незнакомой девушке, пытающейся оказать вам знаки внимания, было что-то не так. «Изменения, изменения» — изменения, выправилось в голове, «мненяли» — мненяли, будто пружина расправилась, убрав беспокоящую складку сознания.

«Странно» — взгляд снова упал на часы, показывающие: 07.31. Дважды странно, мне показалось, что я успел передумать обо всех глобальных проблемах человечества. Неужели я думал одну минуту? Сознание как пастинил — я напряг сознание и получил: «пластилин». Одновременно я перевел взгляд с часов далеко за окно.

Далекое озеро, словно ретранслятор, собирало все небесное излучение и передавало его голубоватыми и зеленоватыми тонами в сторону города, даже несколько ослепляя. Березы, как часовые, стояли по периметру, обеспечивая безопасность радиолокационной антенны.

Мне вдруг так захотелось собственного апгрейда, приобрести крылья, которые уже юзаются в природе сотни миллионов лет, и подняться над озером и городом. Расправить взгляд и почувствовать то, что чувствует птица. Пролететь на бреющем полете между домами... Тревожный, поскольку неожиданный, звонок домофона прервал мой мысленный полет. Я подошел к двери, посмотрел в глазок и увидел мужчину в фирменном костюме Яндекса.

— Добрый день, что вас занесло ко мне? — спросил я мужчину, который переступал с ноги на ногу, будто не хотел отдавать то, что принес.

— Наша компания делает вам подарок и дарит вертолет со специальными тридцатью очками, позволяющими летать вместе с ним. Пользуйтесь на здоровье.

— В честь какой такой амнистии? — попытался пошутить я.

— Это был внутренний конкурс компании, и вы в нем победили. Всего хорошего и до свидания.

Проводив курьера, я раскрыл неожиданный или ожидаемый подарок и обнаружил, что аккумулятор заряжен. Вышел с вертолетом на балкон, надел очки и запустил его. Пол ушел у меня из-под ног. Такое ощущение, наверное, испытывает космонавт, оказавшись в невесомости. Я падал, оставаясь на месте. Тут же вспомнилась фраза психоаналитиков, что все у нас в голове. Привыкнув, я начал двигаться, пролетел над близлежащим парком, почти касаясь вершин деревьев. Мне вспомнился Карлсон. И я решил посмотреть, где живу, и полетел на собственную крышу. По пути я со всего размаха врезался в стену, не долетев одного этажа. Отлетел от нее и снова со всего размаха врезался в стену, как будто пытался пробиться на тридцать пятый этаж. Затем еще и еще. У меня как будто что-то заклинило, я как будто бился головой о стену. Когда я отлетел в очередной раз, что-то перестало меня удерживать в невесомости, и я рухнул со стометровой высоты. Лавочка, на которой сидела придомовая бабушка, стремительно приближалась...

* * *

— Иже еси на небеси, да святится имя Твое, — я впал в ступор. Я забыл вторую строку главной молитвы. Такое иногда случалось, но я повторял предыдущую строку, и тогда последующая всплывала в сознании. Сегодня это не помогло. Меня это очень разозлило. Как можно относиться к человеку, который забыл слова молитвы «Отче наш», — только как к тому, кто не достоин Твоего внимания.

Вдруг кто-то или что-то коснулось моего плеча.

— Коля, ты чего ругаешься? — волосы Галины, еще не прибранные с утра, светлые, как рассвет, смешно сплелись на лбу, и от этого ее вид был комичный. Имя «Нико-

лай» как-то непривычно царапнуло меня, но на фоне общего беспокойства я не придал этому значения.

— Забыл, краса моя, вторую строчку молитвы «Отче наш». Это как забыть, как тебя зовут. Даже не представляю себе, как смотреть теперь в глаза святым.

Галина обняла меня и нежно поцеловала в плечо.

— Да приидет царствие Твое, — прошептала она, лукаво посматривая на меня. — Ты же помнишь, что у нас не все ладилось. Какие скандалы я тебе закатывала, когда ты мог задержаться вечером после работы. Так что царствие твое строилось не быстро, — продолжила, улыбаясь, Галина. Я вдруг увидел себя ее глазами. Передо мной стоял не очень свежий мужчина среднего роста, немного сутулый, слегка лысоватый и немного грузный. Хотя, скорее, немного грустный, что, впрочем, не мешало ему оставаться близким. Я смотрела на этого растерянного от забывчивости мужчину, который когда-то мог повернуть реки вспять, и влюблялась в него еще больше. Видимо, беспомощность мужчины возбуждает в нас, в женщинах, чувство материнства и бесконечной заботы. Мне захотелось, чтобы он тут же заболел, а я ухаживала за ним, меняя мокрые тряпки со лба и готовя чай с малиной.

— Кстати, нужно тебе поменять повязку с головы, ушибы вроде зажили. А стену в твоей комнате придется красить, ты ее прилично покоцал. Ладно, поменяем повязку после завтрака. Ты заканчивай, а я пойду приготовлю яишницу, — сказала я, насмотревшись на это умильное зрелище, и пошла на кухню.

«Интересно, а он помнит, что у нас двое детей, которые уже в школе, и их необходимо будет забрать оттуда. Он все время думает о человечестве, но ведь есть в этом лесу и деревья: я, дети, бабушки. Есть те, кто сейчас с автоматами в руках воюют и у кого тоже есть дети, бабушки. Конечно, и на строительстве египетских пирамид люди гибли десятками тысяч, а мы взяли сейчас построить что-то невообразимое для одного человеческого мозга. И вообще, вся эта война как месячные для человечества. Кровь нужно постоянно чистить, иначе возникает болезненный застой, нужно сбрасывать пассионарность. Странно, я такого слова „пассионарность“ вроде не знаю и никогда про войну раньше не думала и про человечество тоже».

* * *

— Иже еси на небеси, да святится имя Твое. — Мой взгляд переместился за окно. Подобно тому как кусок белого хлеба, пролежавший довольно долго в тепле, будет подернут зеленоватым налетом, так и зимняя белизна на улице была подернута февральским весенним нетерпением. Сегодня я поздно проснулся. Солнце уже встало и осветило городские многоэтажки, их слегка лысоватые белесые затылки. Все они вместе являются частью жирного шрифта гигантской надписи, в которой заключается имя Твое.

«Я, как и Ты, холостяк по жизни. Женщины мешают думать и своей суетой отвлекают от главного. Странно, я вроде когда-то задумывался о женитьбе, но Бог миловал. Возможно, я проложение Тебя, то есть продолжение, и Ты посердством, то есть посредством, меня порождаешь этот мир. И он получается достаточно хорош. Интересно, а кто эта женщина в рамке у меня на подоконнике? У нее обольстительные рыжие локоны».

Вдруг вдали за дальним озером очень быстро начал расти гриб, напоминающий белый, у него были коричневая шляпка и толстая серая ножка, которая очень быстро расширялась, вбирая в себя высотные здания, завод, ТЭЦ, школу, садик, запах завода. Все это было хорошо видно с двадцатого этажа. Гриб настолько приблизился, что

я начал различать, как в нем пропадали люди. Я всех их ощущал. Им не было больно, они не успевали почувствовать боль, только страх. Вот, видимо, старушка с коляской подлетела и пропала в плесневелой ткани времени. Я почувствовал, как ее раздирает на триллионы маленьких кусочков биоты, уже неспособных к самовыражению. Меня раскидывало вместе с ней. Остатки моей правой руки лежали под раскореженным пнем от разбросанного дерева, а остатки ее левого вытекшего глаза летели на высоте километра над землей и смотрели вниз, наблюдая за буйством атомного взрыва.

«Гриб — это плесень, точнее, плесень невидима, а гриб — это его воплощение в мире» — я смотрел, как вся плесень мира решила проявиться единомоментно. Когда ножка гриба уже была недалеко, наверно, в километре от дома, мне стало скучно, и я начал отматывать время назад. Ножка начала уменьшаться, вновь появились садик, школа, ТЭЦ. Тут я отвлекся, и ножка вновь начала расширяться, поглощая ТЭЦ, школу, садик.

Теперь я уже мог почувствовать всех, кто причастен ко взрыву. Боль, страх, наслаждение и даже покой перемежались с ненавистью и обидой: почему я? Одновременно я ощутил ненависть во французском генерале, который нажал на пусковую кнопку. Его ненависть была глубиной с Байкал, причем она была не к России, а к собственной бывшей жене, которая недавно выиграла суд и забрала детей. И теперь он решил:

— Пусть все провалится в тартарары!

Сосредоточившись на нем, я отвел его руку, показав ему его же будущую кроху, которая не родится, если он нажмет на кнопку. Одновременно я почувствовал безумное одиночество французского президента, который санкционировал нажатие кнопки. От него недавно ушел его любимый человек, и он сидел и думал: «Не зря природа придумала детей, они, как минимум, объединяют пару и не позволяют ей самопроизвольно распадаться на атомы». Я вдохновил его пониманием, что он войдет в историю как президент, предотвративший окончание разумной жизни на Земле. Он передумал давать приказ. А еще спустя секунду или одну миллиардную секунды я понял, что стал тем острием пирамиды, вобравшей в себя Вячеслава, Людмилу, Николая, Галину и все человечество...

А в эту одну миллиардную секунды, когда я терял себя и приобретал все человечество, я подумал: «Интересно, а кто-нибудь проводил исследование о количестве гениев, родившихся в Хиросиме после взрыва в сорок пятом?..»